

Ута Фреверт

Доверие и власть: новая и новейшая история Германии и России

Одно из известнейших крылатых слов немецкого языка звучит так: «Доверие - это хорошо, контроль лучше». Это выражение приписывается Ленину, его знает каждый ребенок, а поисковая система “Google” дает 95000 примеров его употребления. Итак, это выражение почти так же употребительно, как и цитаты из Гете и Шиллера, как известно, наиболее любимые немцами и по праву считающиеся ярчайшими украшениями в сокровищнице крылатых слов немецкого языка. 85 процентов граждан Германии полагают, что это выражение верно, как показывают результаты репрезентативного опроса, проведенного институтом демоскопии г. Алленсбаха в июле 2005 года.

Но не все так просто. В настоящее время даже в Интернет-энциклопедии «Википедия» можно прочитать, что Ленин этих слов не произносил. Если он и говорил нечто подобное, то все же формулировал мысль по-другому. (О том, как в словарный фонд немецкого языка вошло именно это выражение, которое стало приписываться Ленину, можно прочитать отдельный доклад.) Известно, что в статье, изданной в 1914 году, Ленин написал: «Не верить на слово, проверять строжайше - вот лозунг марксистов-рабочих». ¹ Если я не ошибаюсь (надеюсь, что российские участники подтвердят мою правоту), в основе этого высказывания лежит русская поговорка «Доверяй, но проверяй», которую, по воспоминаниям, часто употреблял Ленин².

Однако смысл этой поговорки и смысл приведенного в начале доклада высказывания - это небо и земля. «Доверие - это хорошо, контроль лучше» - это означает, что именно контроль лучше, чем доверие. «Доверяй, но проверяй» означает, что и доверие, и контроль одинаково важны. Доверять, не контролируя, рискованно, но и одного контроля недостаточно.

Сколько мудрости в этой поговорке! Примечательно также, что схожие поговорки есть во многих языках. Немцы говорят: “Trau schau wem” («Доверяй, но смотря кому») (143000 примеров в системе “Google”). Есть в немецком языке и слово “vertrauensselig”, а в русском – слово «легковерный», имеющее практически такую же семантическую структуру, как и немецкое слово. Эти слова имеют негативную коннотацию. Легковерные люди наивны, далеки от мира сего, их легко обмануть. Поэтому определенная доля недоверия и осторожности нужна в жизни - доверяй, но смотря кому... Однако не следует быть слишком недоверчивым: такие люди нам неприятны, их избегают, с ними тяжело.

Народная мудрость, выраженная в этих поговорках, в последние годы получила теоретическое обоснование. В первую очередь это касается экономической теории. Специалисты по микроэкономике, разрабатывающие концепции управления персоналом, доказали, что контроль лишает работника мотивации и даже ухудшает результат его труда, а доверие, напротив, значительно повышает эффективность труда за счет дополнительной мотивации³. Специалисты по макроэкономике выяснили, что благодаря доверию снижается стоимость сделок. Социологи изучают феномен доверия как элемент

¹ *Не верить на слово, проверять строжайше - вот лозунг марксистов-рабочих.* (Ленин „Об авантюризме“, (1914) [*Nicht aufs Wort glauben, aufs Strengste prüfen - das ist die Losung der marxistischen Arbeiter.* „Über Abenteuerertum“, 1914), в: Werke, Band 20 ([Dietz-Verlag Berlin](#), 1971), S. 358].

² Geflügelte Worte, gesammelt und erläutert von Georg Büchmann, 39. Auflage, Berlin 1993, S. 392.

³ См. интервью с проф. Армином Фальком (Боннский университет) (Armin Falk) в: *Süddeutsche Zeitung*, 13.5.2005: „Warum ist Vertrauen besser als Kontrolle?“

систем действия, основанных на сотрудничестве. И, в заключение, еще одно важное соображение: политологи начали изучать роль доверия в отношениях, складывающихся в сфере политики.

Их выводы я учту в своем докладе. Тема доклада – соотношение доверия и власти в обществе в период новой и новейшей истории. Я исхожу из того, что в этот период это соотношение имеет другой характер, нежели в более раннее время. Я полагаю также, что именно это обстоятельство решающим образом повлияло на формирование политической культуры и способствовало возникновению демократического потенциала в обществе.

Начнем с наиболее важного. Что мы имеем в виду, когда говорим, что власть и доверие взаимосвязаны? В классической дефиниции понятия «власть», данной Максом Вебером, понятие «доверие» отсутствует. Власть, пишет Вебер, «означает любую возможность реализовать свою волю в рамках социального отношения даже и вопреки сопротивлению».⁴ Это возможность, добавляет Вебер, может быть обеспечена всеми мыслимыми качествами человека и проявляться в любой ситуации. Власть над нами имеет грабитель на улице, который, направляя на нас пистолет, заставляет нас отдать ему деньги. Власть над женой осуществляет муж, урезающий ей деньги на карманные расходы. Власть имеет и начальник полиции, приказывающий разогнать демонстрацию и применить при этом дубинки.

В двух случаях из приведенных власть основывается на физическом насилии: в случае с грабителем, присваивающим себе власть, и в случае с начальником полиции, имеющим властные полномочия. Супруг же, проявляющий скупость, реализует власть, имеющую экономические корни: традиционно тот, кто зарабатывает деньги, решает, как их потратить и кто их будет тратить. Во всех этих случаях доверие не при чем.

Давайте же зададим себе вопрос: а есть ли вообще социальные отношения, в которых власть регулируется с помощью доверия? Как обстоит дело с властью родителей над детьми? Безусловно, эта власть также имеет стабильный правовой и финансовый фундамент. В то же время и доверие играет здесь определенную роль. Представим себе, что родители принимают решение, неприятное ребенку (например, не разрешают ему пойти в кино). Он может громко возмущаться или «дуться», но в конце концов понимает, что решение родителей – не акт произвола, что они думают о его благе, и в этом проявляется доверие ребенка к родителям. Благодаря этому доверию ему легче если не одобрить решение, то хотя бы его принять. Мы можем сказать, что доверие легитимизирует власть и позволяет мириться с тем неприятным, что она несет с собой. Конфликты (например, конфликт интересов) на основе доверия могут быть разрешены по-другому, нежели там, где доверия нет.

То, что я говорю, не ново и сфера применения этого постулата не ограничивается семейными отношениями. Мои исследования показали, что слово «доверие» стало исключительно активно использоваться со второй половины 18 века. Тогда оно было включено в общедоступные энциклопедии, в тот период увеличивается количество сложных слов с компонентом «довер-», что явствует из тех же словарей. Доверие рассматривается как нечто положительное, способствующее конструктивному решению проблем. Объем понятия «доверие» все увеличивается. В ранних изданиях энциклопедий речь идет лишь о том, что допустимо доверие к Богу, но не к людям, однако к концу эпохи Просвещения от таких ограничений мало что осталось. Доверие все чаще рассматривается

⁴ Max Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tübingen 4. Aufl. 1956, 28.

авторами как своеобразный ресурс, безусловно важный для социальных отношений: дружеских отношений, отношений в семье, в сфере экономики и политики.

Почему же произошло такое изменение? Какой опыт лежал в его основе? Какие ожидания возникли в этой связи? В общем и целом мы можем сказать, что процесс, о котором идет речь, шел рука об руку с упразднением сословной структуры общества, основанной на четких нормах кодифицированного права и очень иерархичной. Такое общество характеризовалось относительной стабильностью и предсказуемостью: на что имеют право представители того или иного сословия и на что они не имеют права, было урегулировано с помощью императивных норм. Да и отношения с властями предрешающими были простыми донельзя: нужно было хранить им верность и преданность, а правитель был обязан воздать своим подданным тем, что он добросовестно выполнял свои обязанности по государственному управлению.

В эпоху Просвещения и Французской революции фундамент подобных представлений и структур стал постепенно разрушаться: общество больше не признавало их легитимными. Возникло буржуазное общество, в котором определяющую роль играл класс свободных собственников, и этот класс сметал барьеры, которые ранее стабилизировали сословия и отделяли их друг от друга. Каждый индивидуум теперь гораздо в большей мере зависел от себя самого, каждый становился кузнецом своего счастья. Это привело к возникновению не только свободы, но и неопределенности. В этой ситуации доверие приобрело особое значение. Чтобы не быть беспомощным и беззащитным перед лицом возникшей неопределенности, представлялось целесообразным положить в основу социальных отношений доверие.

Но, естественно, все нельзя было сводить к доверию. Даже просветители, певшие осанну человеку, ни в коем случае не ратовали за безраздельное доверие. По их мнению, доверие должно было идти рука об руку с личной заинтересованностью и расчетом. Поэтому слово «заинтересованность», так же как и слово «доверие» стало одним из основных в лексиконе нового класса собственников-горожан (может быть, слово «заинтересованность» употреблялось даже чаще). Со времен Адама Смита личная заинтересованность считалась самым мощным мотивом деятельности, «движущей силой прилежания» (Юсти). Маркс (и не только он) писал о том, что «свободная реализация частных интересов» характерна для буржуазного общества. Создание условий для реализации этих интересов было целью либеральной политики реформ, которая проводилась в начале 19 века даже в таких странах, как Пруссия. Уже не считалось, что личный и общественный интерес несовместимы⁵.

В то время предполагалось также, что у людей одинаковые интересы, иначе говоря, люди нуждаются друг в друге, чтобы реализовать свои личные интересы. Идея «взаимодействия» (Шляйермахер) стала краеугольным камнем при создании различных добровольных ассоциаций, которые начали возникать в Европе с конца 18 века как грибы после дождя. Их членами были преимущественно мужчины. Люди объединялись без принуждения извне, чтобы встречаться в аристократических, буржуазных и других городских салонах, в патриотических и спортивных клубах и клубах любителей чтения или пения, в «дружеских обществах» (в Англии) (“friendly society”) или обществах, основанных на принципе взаимности (во Франции) (“mutualité”) – чтобы действовать сообща в общих интересах. Всегда считалось, что 19 век в первую очередь в Германии был веком «добровольных объединений», но это верно не только по отношению к Германии.

⁵ См. статью. „Interesse“ в: Geschichtliche Grundbegriffe, Bd. 3

Действительно, добровольное общественное объединение, в отличие, например, от цехового объединения или студенческой корпорации, оказалось очень эффективным инструментом, чтобы дать людям возможность заявить о своих интересах и осуществить их. Но оно было и инструментом формирования доверия – доверия между людьми, между которыми не было дружеских или родственных отношений. Некоторые объединения не просто были инструментами формирования доверия – они сами основывались на доверии, например. «дружеские общества» или рабочие кассы взаимопомощи, которые оказывали своим членам помощь в сложных жизненных ситуациях (болезнь, безработица, инвалидность). Вспомним и об обществах взаимного кредитования: здесь взаимопомощь также основывалась на взаимном доверии.

Как уже было сказано, 19 век и значительная часть 20 века характеризовались бурным развитием таких обществ, содействовавших сближению незнакомых людей. Для низших слоев горожан от членства в таких обществах зависело порой физическое выживание, а для среднего класса такое членство открывало возможности жить лучше. «Лучше» не только в смысле расширения кругозора, повышения эрудиции (в обществе, в котором класс самостоятельных собственников играл определяющую роль, идеи гуманизма и ценности образования всегда были очень важны, вспомним в этой связи, что Шляйермахер ратовал за свободное общение, благодаря которому «разумные люди повышают уровень эрудиции друг друга»), - «лучше», безусловно, и в материальном отношении. Если, например, коммерсант из Манчестера, торговавший хлопком, в 20-е годы 19 века проводил 36 часов в неделю на различных мероприятиях клубов и комитетов меценатов, то он делал это в первую очередь ради реализации большого проекта – создания общества по страхованию на случай пожара. Он прекрасно понимал, что, лишь участвуя в работе этих общественных объединений, он мог показать другим, что ему можно доверять, и лишь только так он мог заинтересовать потенциальных партнеров и инвесторов⁶.

До сих пор мы приводили примеры отношений, благодаря которым создается доверие, ссылаясь лишь на западноевропейский, в том числе германский, опыт. А как обстояло дело в России? Нечто похожее на буржуазное общество и на гражданское общество в России возникло гораздо позже, чем в Западной и Центральной Европе (если возникло вообще). Государственные реформы, направленные на раскрепощение «частного интереса», которые были проведены во Франции в конце 18 века, а в Пруссии – в начале 19 века, здесь заставили себя ждать до 60-х – 70-х годов 19 века. Индустриализация и урбанизация коснулись лишь крупных городов, таких, как Москва и Санкт-Петербург. Поэтому отсутствовали условия, в которых в Западной и Центральной Европе возникли организации гражданского общества, имевшие самый различный характер. Конечно, перед революцией 1905 или 1917 года в России существовали общественные организации коммерсантов, помогавшие им блюсти свой интерес и содействовать возникновению доверия, которое было нужно им для успешной коммерции. Но их общее количество было значительно меньшим, чем в Западной Европе, а уж объединения рабочих можно было вообще пересчитать по пальцам. Подавляющее большинство населения России в начале 20 века жило в сельской местности: было огромное количество маленьких деревень, в которых почти всегда господствовало натуральное хозяйство.

Впрочем, некоторые историки полагают, что как раз в российской деревне сформировалась специфическая модель взаимопомощи, способствовавшая созданию

⁶ Robin Pearson/David Richardson, Business networking in the industrial revolution, *Economic History Review* 54 (2001), 657-679, См. 676, 674 (Braidley).

доверия между жителями деревни. Якобы, чудодейственный способ создания доверия заключался в *круговой поруке*, предполагавшей распределение ответственности. Вся деревенская община несла ответственность перед государством за сбор податей и отправку крестьян в солдаты, поэтому она была заинтересована в том, чтобы это бремя было распределено между всеми домохозяйствами. Возникла система экономической взаимопомощи, которая гарантировала крестьянам физическое существование. Так же, как и в «дружеских обществах» или в рабочих кассах взаимопомощи, здесь доверие и контроль дополняли друг друга. Тот, кто нарушал принятые правила поведения, идя на неоправданный риск, пьянствуя или лентяя, подвергался санкциям. Система взаимопомощи и коллективной ответственности порождала не только доверие, но и недоверие: доверяй, но проверяй⁷.

Тщательный анализ позволяет, однако, установить, что российская система радикально отличалась от германской. Во-первых, система, существовавшая в России, была нужна государству и поддерживалась им, она была, если можно так сказать, «введена сверху». Что же касается общественных организаций, действовавших на Западе, то они были независимы от государства, разве что в некоторых случаях государственные органы утверждали их устав. Во вторых, вступление в общественные объединения на Западе было делом добровольным (в отличие от цехов и гильдий, существовавших ранее, и в отличие от российской деревенской общины). Из объединения можно было выйти, из общины, основанной на *круговой поруке*, - нет. Член добровольного объединения мог оказать доверие организации или ее членам, а мог сознательно лишить их своего доверия. У русского крестьянина же не было выбора, он не мог решать вопрос о принадлежности к общине, исходя из доверия, основанного на рациональных соображениях и оказываемого при определенных условиях.

Теперь – вы наверняка уже давно ждете этого – мне следует разъяснить, что есть доверие и, в первую очередь, что не есть доверие. Доверие выходит за рамки эмоций, оно основано на рациональных соображениях, это скорее некий душевный настрой. Оно базируется на опыте и связано с некоторыми ожиданиями. Его можно обрести и можно дозировать. Доверие зависит в первую очередь от конкретной ситуации, это социальное явление, имеющее временное и предметное измерение. В 1801 году было дано такое определение доверия: «Доверие – это обоснованное ожидание хорошего от кого-либо».⁸ То есть доверяет тот, кто исходит из заинтересованности другого в безопасности и благополучии того, кто доверяет. Но при этом мы всегда имеем дело с ожиданием, которое не обязательно должно оправдаться, ибо доверие – это не знание, не уверенность. Тому, кто уверен в ком-либо, нет необходимости оказывать этому человеку доверие. Доверие предполагает, что человек сознательно идет на определенный риск: я иду навстречу другому, ожидая, что другой это оценит и будет действовать в моих интересах. Я поступаю так, как правило, лишь тогда, когда у меня есть доверие к этому человеку. Но и контроль, о котором идет речь в русской поговорке, тоже важен. Прежде чем я одолжу кому-либо деньги, я удостоверюсь, что у него хорошая репутация. За счет этого я попытаюсь минимизировать риск не получить деньги обратно. Однако стопроцентной уверенности быть не может, и в этом суть доверия.

До сих пор я пыталась доказать следующий сформулированный мной тезис: общество, в котором класс самостоятельных собственников играет решающую роль, сформировало

⁷ Geoffrey Hosking, *Forms of Social Solidarity in Russia and the Soviet Union*, in: Ivana Markova (Hg.), *Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe*, Oxford 2004, 47-62; Alena Ledeneva, *The Genealogy of Kруговая Poruka: Forced Trust as a Feature of Russian Political Culture*, там же, 85-108

⁸ Johann Christoph Adelung: *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart*, Bd. 4, Leipzig 1801, S. 1162.

культуру доверия. В условиях все большей индивидуализации и необходимости принятия рискованных решений эта культура – так я аргументировала свой тезис – содействует развитию сотрудничества между людьми и уменьшает непредсказуемость до приемлемого уровня. В оставшееся время я попытаюсь ответить на вопрос о политическом измерении доверия. Можно ли обнаружить элементы культуры доверия и в политической сфере, какую роль играет доверие при осуществлении политической власти и ее легитимации?

Давайте начнем в этот раз с анализа ситуации в сегодняшней России. Социологи, изучающие процесс трансформации в постсоциалистических обществах, установили, что во всех этих обществах наблюдается огромный дефицит доверия. Точнее – дефицит доверия к формальным институтам. Граждане Польши, Чехии или России, постоянно повторяют социологи, не испытывают доверия, например, к полиции, банкам, судам или органам государственного или муниципального управления и их представителям. У граждан не возникает впечатления, если говорить языком 18 века, что деятельность этих организаций «сугубо полезна» для них, что эти организации блюдут их личные интересы, заботятся об их безопасности и благосостоянии. Политические институты (такие, как Дума и партии) также не вызывают доверия. Репрезентативный опрос 2400 российских граждан, проведенный в 2003 году, позволил выявить крайне низкие показатели доверия к партиям, парламенту, региональным органам власти, прокуратуре и судам⁹.

Поражает в этой связи, как велико доверие к Президенту России (и в 2003 году и сейчас Президент России – В. Путин). 54% опрошенных заявили, что они испытывают к нему большое доверие, лишь 6% - что не доверяют или почти не доверяют ему. Интересно в этой связи сравнение с США – страной, в которой президент имеет примерно такие же (очень большие) полномочия, как и в России. В 2000 году, когда президентом был еще Б. Клинтон, лишь 31% всех американских граждан доверяли ему полностью, 33% не доверяли ему или почти не доверяли. Еще более показательное сравнение ответов на вопрос о доверии парламенту. 10% опрошенных россиян испытывали большое доверие к Думе, 32% не доверяли ей вообще, в то время как 31% американских граждан испытывали большое доверие к Конгрессу, а 23% не доверяли ему¹⁰.

Что же следует из этих данных? По-моему, они отражают демократический опыт граждан и их ожидания, связанные с демократией. Тот, кто почти или совсем не доверяет своим представителям в парламенте, не связывает больших ожиданий с демократической политикой. Тот, кто доверяет исключительно или преимущественно президенту, желает видеть во главе страны сильную фигуру лидера. Напротив, большое доверие к парламенту (как в США) – это знак того, что политика парламентариев находит одобрение у избирателей, что парламентарии поддерживают с ними хорошую связь. Представительная демократия основывается как раз на таком доверии – доверии, которое граждане оказывают своим представителям в выборных органах власти.

В этой связи можно говорить о «правлении, основанном на доверии» (“government by trust”). Этот термин ввел британский философ Джон Локк еще в 1689 году. Доверие, согласно Локку, имеет, если можно так выразиться, два уровня: первичный (самый важный) – доверие в отношениях между народом и парламентом, вторичный – доверие в отношениях между народом и правительством (монархом). Идеи Локка основывались на опыте Великобритании, в которой довольно рано были созданы парламентские структуры, а король имел весьма небольшую власть. Кроме того, британская система предполагала

⁹ Yuri Levada, The Problem of Trust in Russian Public Opinion, in: Markova (Hg.), Trust and democratic transition, 157-171, P. 161.

¹⁰ Там же, 159

большую степень близости между избирателями и избранниками. Поскольку степень политического участия была незначительной, а избирательное право содержало очень много ограничений, депутаты в основном принадлежали к тому же социальному слою, что и их избиратели. Избиратели и депутаты знали друг друга, вращались в одних и тех же кругах, для них были характерны одни и те же ценности и интересы. В этих условиях доверие в отношениях между политиками устанавливалось довольно легко.

В странах континентальной Европы такую ситуацию невозможно было себе представить. Слово «доверие» здесь до 19 века не входило в лексикон политиков. Вместо него употреблялось слово «верность». Подданный (о гражданах еще не было речи) обещал сохранять верность правителю (князю, монарху) (считалось, что это в порядке вещей), правитель же управлял страной, как правило, автократично и безраздельно. Эта верность была безусловной, абсолютной, ей не было альтернативы. В верности на всю жизнь клялись, незыблемый принцип верности нельзя было нарушать. Верности нельзя было научиться. Но правитель не имел перед подданным никаких обязательств. Он обещал ему добросовестно управлять страной, но его нельзя было заставить сдержать обещание. Король отвечает только перед Богом, а не перед народом и его сословиями, это утверждал еще в 1840 году король Фридрих Вильгельм IV сразу после коронации.

Лишь после краха абсолютистских монархических режимов (во Франции это произошло раньше, чем в Германии, а в небольших княжествах юга Германии – раньше, чем в Пруссии и Австрии) в политических сферах стали чаще задумываться о роли доверия и о его демократическом потенциале. Доверие, как правило, по-прежнему рассматривалось как нечто, схожее с верой, любовью и преклонением, понятие «доверие» по-прежнему означало традиционное отношение подданного к монарху. Однако значение этого слова со временем лишилось компонента пассивности, в политическом контексте значение слова постепенно приобрело компоненты «то, чего можно требовать» и «то, что предоставляется при определенных условиях, добровольно и на основе взаимности».

Все это отразилось на отношениях между парламентом и монархом. Все решительнее народные представители требовали, чтобы монарх доказал, что ему можно доверять. Они требовали также, чтобы и князь доверял своему народу, то есть, если говорить без обиняков, поделился с ним властью. «Доверие рождает доверие» - под этим лозунгом саксонские граждане боролись в 30-х годах 19 века за конституцию. Во время выступления в Национальном собрании Пруссии в 1848 году один парламентарий-демократ употребил термин «государство, основанное на доверии», имелось в виду государство, которое доверяло своим гражданам и, в свою очередь, пользовалось их доверием.

В 1848 году казалось, что перспектива возникновения такого государства не за горами. Однако революция потерпела поражение, и прошло еще 70 лет, прежде чем в Германии возникла форма правления, основанная на доверии, “government of trust”, прежде чем парламентская демократия стала явью. В настоящее время социальный фундамент такого правления (в сравнении с тем, что было во времена Локка) серьезно изменился. Ограничения избирательного права были уже в 19 веке постепенно отменены, в 1918 году все взрослые мужчины и женщины получили избирательное право. Они голосовали за партии, а партийные программы выражали широкий спектр мнений и интересов. В этих условиях непросто было (и остается) обеспечить большинство, которое было бы способно образовать правительство. В многопартийной системе невозможно обойтись без коалиций, которые немыслимы без компромиссов. Компромиссы необходимо избирателям объяснять и обосновывать. СМИ играют в этой связи все возрастающую роль.

Это означает, что демократии необходимо учиться, и процесс обучения часто болезнен и полон разочарований. По этому пути необходимо пройти как партиям, так и каждому гражданину. В Веймарской республике партии и граждане по этому пути не смогли пройти; можно сказать, что их попытка пройти по этому пути закончилась неудачей. Ни партиям, ни гражданам не хватило времени и терпения, чтобы научиться демократии, экономические, политические и психологические условия не способствовали повышению их готовности к этому. Если бы тогда проводились опросы общественного мнения (а это стало в Европе модным лишь после Второй мировой войны), то, видимо, установили бы, что партии и парламент имеют очень низкий рейтинг доверия. Зато имперский президент имел бы высокий рейтинг.

На чем основывается мое предположение? Я уже некоторое время изучаю переписку между гражданами Германии и главой германского государства (письма написаны до 1945 года). Конечно, сохранились не все письма, которые получали Фридрих Эберт, Пауль фон Гинденбург и Адольф Гитлер. Но подборка достаточно репрезентативна, чтобы сделать выводы об эмоциональном настрое авторов писем. Примечательно, что среди них – представители всех возрастных групп, мужчины и женщины, представители различных вероисповеданий и профессий. Спектр политических предпочтений авторов писем также очень широк: ни в коем случае нельзя сказать, что Гинденбург получал письма только от националистов, а Эберт – от социал-демократов. Письмо, видимо, наиболее часто использовалось как средство общения между гражданами и главой государства – и такая ситуация сохраняется до наших дней благодаря электронной почте. Редко встречаются письма, в которых излагаются личные просьбы, еще реже – письма, в которых речь идет о материальных проблемах, гораздо важнее для граждан была возможность предоставить главе государства информацию. Имперскому президенту, а впоследствии фюреру сообщали о своих опасениях и заботах, надеждах и желаниях, подчеркивали уверенность в том, что он сделает все для блага народа и будет действовать в его интересах. Не скупилась на критику по адресу партийных руководителей, церковных иерархов, лидеров профсоюзов и других обществ, выражали свою уверенность в том, что президент отреагирует на критику и устранит недостатки.

Во всем этом четко прослеживается как желание иметь сильного лидера, так и стремление к единству. Авторы писем полагали, что партии и общественные организации преследуют частные, эгоистические интересы, в то время как имперский президент для многих был символом «единства германского народа». Лишь он один – эта мысль повторялась в письмах постоянно – в состоянии представлять интересы государства на надпартийном уровне. Поэтому граждане обращались к нему со словами «почтения», «любви», «глубокой преданности» и, конечно, «доверия». Например, Анни Герхард, жена служащего, одного из низших чинов имперской железной дороги, писала в 1932 году Гинденбургу: «Я доверяю Вам, будучи непоколебимо убежденной в том, что с Божьей помощью Вы все сделаете как лучше, и с этим Вы всегда справлялись в военное время». Немецкие женщины писали президенту стихами: «Чтоб кто-нибудь тебя предал? / В свой главный штаб ты нас призвал, / И мы, не мешкая ничуть, / Со всей страны собрались в путь. / Мы с верой смотрим на тебя, / И доверяя, и любя. / Будь с нами, наш отец родной, / Совет нам дай, мир и покой». Многие авторы писем выражали желание видеть в главе Германии сильную личность, такую, как Фридрих Великий, Бисмарк или Муссолини. Это были люди, которые думали в первую очередь о власти, имели почти неограниченные полномочия и якобы стремились построить «диктатуру идеализма».

Это распространенное явление - тяга к сильной руке, которая всех бы объединила, не мешала, однако, гражданам исповедовать принципы демократии и плюрализма, что

проявлялось в повседневной политической жизни. Активность избирателей на выборах в рейхстаг в 20-е годы и в начале 30-х годов была очень высокой (от 75 % в 1928 году до 83 % в 1932 году). Вначале партии, приверженные Веймарской конституции, даже набирали подавляющее большинство. Лишь с 1930 года все больше избирателей отдавали свои голоса партиям, стремившимся ликвидировать парламентскую демократию – Коммунистической партии Германии и Национал-социалистической партии Германии, общая доля голосов которых в парламенте выросла с 13 % в 1928 году до более 50 % в 1932 году¹¹.

Мы знаем, к чему нас это привело. Годы с 1933 по 1945 стали для немцев годами слепого доверия. Фюрер не знал, куда ему деваться от заверений в преданности, в которых народ прямо-таки распинался. И так продолжалось вплоть до конца войны: никто не хотел признавать очевидные вещи, все надеялись на то, что «в конце концов будет победа». Молодое поколение, к которому принадлежали, например, Гюнтер Грасс и мои родители, не могло представить себе, что война может закончиться поражением. После 1945 года все удивительно быстро развернулось на 180 градусов. Несмотря на очевидные различия в устройстве двух германских государств, ни в том, ни в другом больше не было и намека на вождизм. Даже Аденауэр, чей стиль правления не без основания называли «демократией канцлера», подвергая его таким образом критике, был далек от того, чтобы допускать проявления вождизма. До сих пор слово «вождь» (в немецком языке слово “Führer” обозначает понятие «вождь») имеет отрицательную коннотацию, наблюдается явное нежелание рассматривать видных политиков, в том числе и канцлера в качестве лидеров, вождей. По-прежнему люди пишут письма канцлеру и президенту. Однако высказываемые в них пожелания значительно скромнее, чем во времена Первой республики. За прошедшее время также выросло доверие к государственным институтам, например, к полиции или к Федеральному конституционному суду. И парламент, основная демократическая структура Германии, пользуется большим доверием.

В ГДР не было ренессанса вождизма, хотя власть Ульбрихта или Хонеккера была, безусловно, значительно большей, чем власть федерального канцлера. Вместо сохранения культа вождя в ГДР попытались создать доверие к социалистическому государству и его институтам с помощью разветвленной социальной системы, а также с помощью пропаганды и постоянных попыток побудить всех и каждого к общественной активности. Общественная активность должна была свидетельствовать о добровольности участия граждан в делах государства, о положительном отношении населения к государству. Власть и в ГДР хотела опираться на доверие, а не только на мощь советских танковых частей. В то же время граждан призывали быть недоверчивыми и осторожными по отношению к классовому врагу, как внешнему, так и внутреннему. Кроме того, были созданы аппарат тайной полиции и репрессивный аппарат, принявшие со временем гигантские размеры. Это обстоятельство свидетельствовало о растущей нестабильности режима и о громаднейшем недоверии, которое власти испытывали по отношению к гражданам. Бертольт Брехт написал об этом с неподражаемым сарказмом в 1953 году в «Буковских элегиях»:

«После восстания 17 июня / Секретарь союза писателей /
На аллее Сталина раздавал листовки, / В которых было написано, /
Что народ потерял доверие правительства / И, лишь работая вдвойне упорно, /
Может себе это доверие вернуть. / Не было бы проще для правительства /
Распустить народ / И избрать себе другой?»¹²

¹¹ Июль 1932 г.: КПГ - 14,2 %, НСДАП- 37,2 %.

¹² Bertolt Brecht, Die Lösung, in: ders., Gesammelte Werke, Bd. 10, Frankfurt 1982, S. 1009 f.

Мы видим, как Брехт выражает здесь идею «правления, основанного на доверии», характерную для парламентской демократии, и как он повернул острие критики против своего государства, страны, которую он выбрал сам, чтобы жить в ней. Однако сомнительно, доверял ли он в 1953 году еще этому государству. Его стихи показывают, что он все больше дистанцировался от государства, в отличие от другого писателя ГДР, Йоханнеса Бехера, который сразу после смерти Сталина в 1953 году написал длинное стихотворение «Благодарность», в котором он воздвиг памятник «лучшему другу» Германии, обожествив Сталина и создав героически светлый образ его. Это стихотворение ни в чем не отстает от советских панегириков, оно настолько же патетично, безусловно и потому плохо в литературном отношении. Это стихотворение соответствовало традициям культа личности, который раздувался с 30-х годов сначала в СССР, затем, после 1945 года, во всем восточном блоке, в первую очередь в ГДР¹³.

О культе личности Сталина написано много, мы знаем и о том, как он насаждался «сверху», и о том, как он воспринимался «внизу». Сталин, в отличие от Ленина, еще при жизни требовал, чтобы его чтили как вождя. При этом он использовал готовность народа к проявлению лояльности – эта особенность народного менталитета возникла еще во времена царизма. В 19 веке люди верили в миф о «добром царе-батюшке», а в период до, во время и после Великой Отечественной войны – в миф о «Сталине – отце родном», который заботился обо всем, все знал, был неуязвим и непогрешим. Он никогда не был объектом критики, в отличие от функционеров на местах и лиц, которые саботировали осуществление его решений¹⁴.

Немыслимое доверие, которым пользовался вождь, на первый взгляд кажется чем-то удивительным. Ведь мы располагаем многими свидетельствами недоверия и страха, парализовавших активность советского общества после «больших чисток» 30-х годов. Постоянный поиск внутреннего врага и легкость, с которой друзья превращались во врагов, сделали Советский Союз 30-х годов страной, где все время царили подозрение и произвол. Даже личные доверительные отношения порой не выдерживали этого испытания¹⁵. Но как раз на фоне социальной дезинтеграции доверие к непогрешимому вождю становилось сильнее, и это можно интерпретировать как некую компенсаторную стратегию, как поиск опоры, которую удавалось найти в социальных и политических стереотипах. В свое время царь был для крестьян России батюшкой и авторитетом, защищавшим их в первую очередь от дворянства.¹⁶ Сталин же представлялся народу «отцом родным», даже если все его дети не имели и толики доверия друг к другу.

Начало войны в 1941 году привело к тому, что Сталин получил уникальный кредит доверия, представ в роли спасителя Советского Союза, и этот кредит сохранился надолго после его смерти. Его преемникам так и не удалось полностью переписать этот кредит на свое имя. К тому же они не старались создать структуры, которые обеспечили бы «горизонтальное и вертикальное доверие» в обществе («горизонтальное доверие» - доверие граждан друг к другу, проявляющееся, например, при создании общественных организаций, «вертикальное доверие» - доверие граждан к политическим институтам). При Путине ничто не изменилось, наоборот, политологи говорят о «суперпрезидентской

¹³ Klaus Heller/Jan Pamper (Hg.), *Personality Cults in Stalinism – Personenkulte im Stalinismus*, Göttingen 2004

¹⁴ Margareta Mommsen, *Hilf mir, mein Recht zu finden: Russische Bittschriften von Iwan dem Schrecklichen bis Gorbatschow*, Frankfurt 1987; Sheila Fitzpatrick, *Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*, Princeton 2005, Глава 9 (“Suppliants and Citizens”), P. 166.

¹⁵ Fitzpatrick, *Tear off*, P. 171-172. Geoffrey Hosking, *Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union*, Cambridge 2006, P. 133 ff.

¹⁶ Field, *Rebels in the Name of the Tsar*, Boston 1989.

системе» и об «авторитарном президентстве», сам Президент России называет российскую систему правления «президентской республикой».¹⁷ Высокий рейтинг, который он постоянно имеет, подтверждает это со всей очевидностью.

Как же мы ответим на вопрос о соотношения доверия и власти, который мы сформулировали вначале? Я перехожу к выводам.

1. В Германии, в России и в других странах, где существуют политические системы, основанные на принципах, возникших в период новой и новейшей истории, власть хочет подать себя как «партнер» народа, который оказывает ей доверие. Власть стремится к доверию. Власть без доверия отдает неприятным душком.

2. Речь идет именно о доверии, а не о верности подданных правителю, как раньше. В отличие от верности, доверие оказывается лишь при определенных условиях. Доверия можно лишиться, доверие может увеличиться и уменьшиться. Самосознание гражданина находится на другом уровне, нежели самосознание подданного, что позволяет гражданину по-другому действовать в политической сфере.

3. Доверие в политической сфере (доверие к политической власти) может существовать на разных уровнях, как показывает история. Как в Германии, так и в России доверием пользовался в первую очередь монарх, пока этот институт существовал. После революций 1917 и 1918 годов глава государства (первое лицо государства) пользуется наибольшим доверием. Гинденбург и Гитлер в Германии, Сталин в СССР подают себя как лица, которым следует оказывать доверие в первую очередь, и граждане принимают это. История культа фюрера в Германии, однако, резко обрывается в 1945 году, в Советском Союзе культ вождя сохраняется. В Западной Германии демократические институты (парламент и политические партии) тем временем приобретают все большую популярность и легитимность. Говоря по-другому, доверие к политическим институтам растет. Мы можем назвать этот процесс обучением демократии – это сложный, трудный процесс, сопровождающийся постоянным риском неудачи.

4. России еще не прошла по этому пути, причем не ясно, пройдет ли она вообще по нему и как будет выглядеть этот путь. Сильная автократическая традиция, отсутствие или слабость институтов гражданского общества не есть оптимальные предпосылки для того, чтобы добиться успеха на этом пути. Если верно, что «горизонтальное доверие» (доверие граждан друг к другу) есть необходимое условие «вертикального доверия» (доверия граждан к власти и общественным, административным, политическим институтам), то демократический потенциал России слаб. К тому же история Веймарской республики показывает нам, что высокая степень добровольного участия граждан в делах общества (участие в деятельности партий, других общественных организаций) еще не есть гарантия доверия к демократическим институтам. Это необходимое, но не достаточное условие. Второе условие – осознанная приверженность формам и институтам демократической политики, не лишенная положительной эмоциональной окраски. Я полагаю, что такую приверженность легче обеспечить в странах, где есть давние традиции развития общества, в котором определяющую роль играет класс самостоятельных собственников (Англия, США, Канада). В странах, в которых нет этой традиции, это сделать труднее, однако и в этих странах не все потеряно, как показывает пример Германии.¹⁸

¹⁷ Margareta Mommsen, *Wer herrscht in Rußland? Der Kreml und die Schatten der Macht*, 2. Aufl. München 2004, S. 227-230.

¹⁸ Есть исследования по теме «демократические» компоненты революций 1905 und 1917 годов в России. Дают ли они основание говорить о «плебесците, результаты которого основаны на эмоциях»?